Труды Киевской Духовной Академии

Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ и его міросозерцаніе [1]).

(*По поводу пятидесятилѣтія со дня смерти*).

Странная и печальная судьба постигла русскій народъ, конечно, не безъ воли Бога, но и не безъ вины людей, „которыхъ содѣйствіе во всемъ, что совершается въ нравственномъ мірѣ, неизбѣжно“ [2]). Въ то время, какъ западные народы, съ самаго начала христіанской исторіи, вступили между собою въ тѣсный союзъ, мы, русскіе, остались внѣ этого благодатнаго единства. Причина этого въ томъ, что христіанство мы приняли не изъ Рима, а изъ Византіи. „Ведомые злою судьбою, мы заимствовали первыя сѣмена нравственнаго и умственнаго просвѣщенія у растлѣнной, презираемой всѣми народами Византіи. Мелкая суетность только что оторвала ее отъ всемірнаго братства, и мы приняли отъ нея идею, искаженную человѣческою страстью. Въ это время животворящее начало единства одушевляло всю Европу. Все истекало тамъ изъ этого начала; все сосредоточивалось; всякое умственное движеніе силилось объединить человѣческую мысль; всякое побужденье проявлялось могучею потребностью отыскать одну всемірную идею: это самое и составляетъ духъ новѣйшихъ временъ. Чуждые этому дивному началу, мы сдѣлались добычею завоевателей. Свергнувъ иго чужеземное, мы могли бы воспользоваться идеями, которыя развились между тѣмъ у нашихъ западныхъ братій; но мы были оторваны отъ общаго семейства“.

„Сколько свѣтлыхъ лучей прорѣзало въ это время мракъ, покрывавшій всю Европу! Большая часть познаній, которыми умъ человѣческій теперь гордится, были уже предчувствуемы тогдашними умами; характеръ новѣйшаго общества былъ

[1]) Окончаніе.

[2]) „Телескопъ“, стр. 295.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

уже опредѣленъ; міру христіанскому недоставало только формъ прекраснаго, и онъ отыскалъ ихъ, обративъ взоры на древности язычества. Уединившись въ своихъ пустыняхъ, мы не видали ничего происходившаго въ Европѣ. Мы не вмѣшивались въ великое дѣло міра. Мы остались чужды высокимъ доблестямъ, которыми религія озарила новѣйшія поколѣнія и которыя въ глазахъ здраваго смысла возвышаютъ ихъ надъ древними народами такъ же, какъ эти послѣдніе возвышаются надъ готтентотами и лапландцами. Въ насъ не развились эти новыя силы, которыми она обогатила человѣческое разумѣніе; эта кротость нравовъ потерявшихъ свое первобытное звѣрство отъ покорности власти безоружной. Несмотря на названіе христіанъ, мы не тронулись съ мѣста, тогда какъ западное христіанство величественно шло по пути, начертанному его Божественнымъ Основателемъ. Міръ пересоздавался, а мы прозябали въ нашихъ лачугахъ изъ бревенъ и глины. Коротко, не для насъ совершались новыя судьбы человѣчества; не для насъ, христіанъ, зрѣли плоды христіанства“ [1]). „Для всѣхъ народовъ бываетъ періодъ сильной, страстной, безсознательной дѣятельности. Люди блуждаютъ тогда и тѣломъ и духомъ. *Это время великихъ страстей, великихъ ощущеній. Народы движутся въ то время сильно, безъ видимой причины, но не* безъ пользы для будущихъ поколѣній. Всѣ общества проходили чрезъ этотъ періодъ. Онъ даровалъ имъ ихъ живѣйшія воспоминанія, ихъ чудесное, ихъ поэзію, всѣ ихъ высшія и плодотворнѣйшія идеи. Онъ необходимъ для жизни общества. Безъ него что̀ сохранилось бы въ памяти народовъ, къ чему они могли бы привязаться, пристраститься; безъ него они дорожили бы только прахомъ родной земли. Эта чрезвычайно занимательная эпоха въ исторіи народовъ есть время ихъ юности; время, когда способности ихъ развиваются съ наибольшею силою; время, воспоминаніе о которомъ, въ возрастѣ возмужаломъ, служитъ имъ наслажде-

[1]) „Телескопъ“, стр. 295—297.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

ніемъ и урокомъ. Мы не имѣемъ ничего подобнаго. Въ самомъ началѣ у насъ дикое варварство, потомъ грубое суевѣріе, затѣмъ жестокое, унизительное владычество завоевателей, владычество, слѣды котораго въ нашемъ образѣ жизни не изгладились совсѣмъ и донынѣ. Вотъ горестная исторія нашей юности. Мы совсѣмъ не имѣли возраста этой безмѣрной дѣятельности, этой поэтической игры нравственныхъ силъ народа. Эпоха нашей общественной жизни, соотвѣтствующая этому возрасту, наполняется существованіемъ темнымъ, безцвѣтнымъ, безъ силы безъ энергіи. Нѣтъ въ памяти чарующихъ воспоминаній, нѣтъ сильныхъ наставительныхъ примѣровъ въ народныхъ преданіяхъ. Пробѣгите взоромъ всѣ вѣка, нами прожитые, все пространство земли, нами занимаемое, вы не найдете ни одного воспоминанія, которое бы васъ остановило, ни одного памятника, который бы высказалъ вамъ прошедшее живо, сильно, картинно [1])".

... „По нашему мѣстному положенію, между востокомъ и западомъ, опираясь однимъ локтемъ на Китай, другимъ на Германію, мы должны бы соединять въ себѣ два великія начала разумѣнія: воображеніе и разсудокъ; должны бы совмѣщать въ нашемъ гражданственномъ образованіи исторію всего міра. Но не таково предназначеніе, павшее на нашу долю. Опытъ вѣковъ для насъ не существуетъ. Взглянувъ на наше положеніе, можно подумать, что общій законъ человѣчества не для насъ. Отшельники въ мірѣ, мы ничего ему не дали, ничего не взяли у него; не пріобщили ни одной идеи къ массѣ идей человѣчества; ничѣмъ не содѣйствовали совершенствованію человѣческаго разумѣнія, и исказили все, что сообщило намъ это совершенствованіе. Во все продолженіе нашего общественнаго существованія, мы ничего не сдѣлали для общаго блага людей: ни одной полезной мысли не возрасло на безплодной нашей почвѣ; ни одной великой

[1]) „Телескопъ", стр. 283—284.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

истины не возникло изъ среди насъ. Мы ничего не выдумали сами, и изъ всего, что выдумано другими, заимствовали только обманчивую наружность и безполезную роскошь“ [1]).

...„Странное дѣло! Даже въ мірѣ наукъ, который обнимаетъ все, наша исторія разобщена отъ всего, ничего не объясняетъ, ничего не доказываетъ. Если-бъ орды варваровъ, возмутившихъ міръ, не прошли, прежде чѣмъ наводнили Западъ, страны нами обитаемой, мы не доставили бы и одной главы для всемірной исторіи“ [2]).

Такъ безотрадно наше прошедшее, такъ печальна наша исторія. Не менѣе безотрадно и печально и наше настоящее. „Посмотрите вокругъ себя. Все какъ будто на ходу. Мы всѣ какъ будто странники. Нѣтъ ни у кого сферы опредѣленнаго существованія, нѣтъ ни на что добрыхъ обычаевъ, не только правилъ, нѣтъ даже семейнаго средоточія; нѣтъ ничего, что бы привязывало, что бы пробуждало ваши сочувствія, расположенія; нѣтъ ничего постояннаго, непремѣннаго: все проходитъ, протекаетъ, не оставляя слѣдовъ ни на внѣшности, ни въ васъ самихъ. Дома мы будто на постоѣ, въ семействахъ, какъ чужіе, въ городахъ, какъ будто кочуемъ, и даже больше чѣмъ племена блуждающія по нашимъ степямъ, потому что эти племена привязаннѣе къ своимъ пустынямъ, чѣмъ мы къ нашимъ городамъ“ [3]).

Наше умственное развитіе, оторванное отъ общаго развитія человѣчества, слишкомъ несовершенно. „Всѣмъ намъ недостаетъ нѣкотораго рода основательности, методы, логики. Силлогизмъ Запада намъ неизвѣстенъ Въ нашихъ головахъ есть нѣчто большее, чѣмъ несосновательность. Лучшія идеи отъ недостатка связи и послѣдовательности, какъ безплодные призраки, цѣпенѣютъ въ нашемъ мозгу“ [4]). „Намъ должно

---

[1]) „Телескопъ“, стр. 293—294.
[2]) „Телескопъ“, стр 294.
[3]) „Телескопъ“, стр. 282.
[4]) Тамъ же, стр. 289—290.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

молотами вбивать въ голову то, что у другихъ народовъ сдѣлалось привычкою, инстинктомъ“ [1]). „Гдѣ наши мудрецы, наши мыслители? Когда и кто думалъ за насъ, кто думаетъ въ настоящее время?“ [2]).

Нравственное чувство наше не развито. Мы равнодушны „ко всему хорошему, ко всему дурному, ко всякой истинѣ, ко всякой лжи... У насъ и въ высшихъ классахъ, къ прискорбію, существуютъ пороки, которые въ другихъ странахъ принадлежатъ только низшимъ... Имѣя нѣкоторыя изъ добродѣтелей народовъ юныхъ, еще необразованныхъ, мы лишены всѣхъ достоинствъ народовъ зрѣлыхъ, наслаждающихся высшимъ просвѣщеніемъ“ [3]). „Даже въ нашемъ взглядѣ я нахожу, замѣчаетъ Чаадаевъ, что-то чрезвычайно неопредѣленное, холодное, нѣсколько сходное съ физіономіею народовъ, стоящихъ на низшихъ степеняхъ общественной лѣствицы. Находясь въ другихъ странахъ, гдѣ лица такъ одушевлены, такъ говорящи, я сравнивалъ не разъ моихъ соотечественниковъ съ туземцами, и всегда поражала меня эта нѣмота нашихъ лицъ“ [4]).

Такими мрачными чертами описываетъ Чаадеевъ прошедшее и настоящее русскаго народа и прибавляетъ въ концѣ перваго своего философическаго письма: „Можетъ быть, вамъ покажется, что я слишкомъ нападаю на насъ; нѣтъ, я говорилъ истину“ [5]).

Но если безотрадно прошедшее и настоящее Россіи, значитъ ли это, что она безнадежна, что и будущее ея безотрадно? Чаадаевъ этого не утверждаетъ. Напротивъ, уже изъ перваго философическаго письма Чаадаева видно,

---

[1]) Тамъ же, стр. 286
[2]) Тамъ же, стр. 293.
[3]) „Телескопъ“, стр. 291—292.
[4]) Тамъ же
[5]) „Телескопъ“, стр. 310.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

что онъ ждетъ въ будущемъ для Россіи иной доли, чѣмъ какая досталась ей въ прошедшемъ и настоящемъ. „Чтобъ сравниться съ прочими образованными народами, намъ надобно переначать для себя снова все воспитаніе человѣческаго рода. Для этого передъ нами исторія народовъ и плоды движенія вѣковъ. Конечно, великъ этотъ трудъ и, можетъ быть, одно поколѣніе людей не въ состояніи совершить его“ [1]). Мы „существуемъ для того, чтобы современемъ преподать какой-нибудь великій урокъ міру. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это предназначеніе принесетъ свою пользу“ [2]). „Не очевидно ли, что должно стараться оживить въ насъ вѣру всѣми возможными способами. Вотъ что я хотѣлъ сказать, говоря, что у насъ должно переначать все воспитаніе человѣческаго рода“ [3]). Такія выраженія ясно показываютъ, что будущее Россіи, по мнѣнію Чаадаева, не безнадежно. Однако, прошедшее и настоящее Россіи описано въ первомъ философическомъ письмѣ настолько мрачными чертами, что и въ будущемъ трудно ожидать для нея чего-нибудь хорошаго. При этомъ наряду съ вышеприведенными выраженіями встрѣчаются въ первомъ философическомъ письмѣ и такія, которыя немного сулятъ Россіи и въ будущемъ. „Мы живемъ въ какомъ-то равнодушіи ко всему, въ самомъ тѣсномъ горизонтѣ, безъ прошедшаго и *будущаго*“ [4]). „*Въ крови* у насъ есть что-то отталкивающее, враждебное совершенствованію“ [5]). Поэтому, если имѣть въ виду одно только первое философическое письмо Чаадаева, то можно до нѣкоторой степени согласиться съ А. Скабичевскимъ и съ Н. Бельтовымъ, когда первый изъ нихъ говоритъ, что, по Чаадаеву,

---

[1]) „Телескопъ“, стр. 285—286.
[2]) Тамъ же, стр. 287.
[3]) Тамъ же, стр. 302.
[4]) „Телескопъ“, стр. 284.
[5]) Тамъ же, стр. 295.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

„будущаго для Россіи вовсе нѣтъ“ [1]), а второй,—что человѣкъ, зараженный пессимизмомъ Чаадаева, „могъ найти себѣ плодотворное, пожалуй, даже великое дѣло гдѣ-нибудь на чужбинѣ, но у себя на родинѣ ему нечего было дѣлать. Ему оставалось, сообразно своему темпераменту, или холодно презирать свою страну, или горько оплакивать ея историческую негодность“ [2]).

Но если мы обратимся къ другимъ, позднѣйшимъ произведеніямъ Чаадаева, то увидимъ, что Чаадаевъ многаго ждалъ отъ Россіи и мечталъ о славномъ для нея будущемъ. Міросозерцаніе Чаадаева уже вскорѣ послѣ написанія перваго философическаго письма подверглось значительному развитію. Основная точка зрѣнія Чаадаева, его основные философско-историческіе взгляды, представленіе о ходѣ всемірно-историческаго процесса и о конечной цѣли человѣчества, остались безъ всякаго измѣненія. Подвергся значительному развитію только одинъ пунктъ въ ученіи Чаадаева—о будущности Россіи, пунктъ, только намѣченный въ первомъ философическомъ письмѣ, и то, какъ мы видѣли, крайне неопредѣленно и даже противорѣчиво. Уже ко времени появленія въ печати перваго философическаго письма (1836 г.) Чаадаевъ имѣлъ опредѣленный взглядъ на будущее Россіи, такъ что содержаніе этого письма не было вполнѣ вѣрнымъ выраженіемъ его взглядовъ, какъ объ этомъ говоритъ и самъ Чаадаевъ [3]).

---

[1]) Соч. А. Скабичевскаго, СПБ., 1895, т. I, стр. 279.

[2]) Н. Бельтовъ, „Критика нашихъ критиковъ“, СПБ. 1906, стр. 340.

[3]) Въ письмѣ къ гр. Строганову отъ 8 ноября 1836 г., т. е. написанномъ вскорѣ послѣ появленія въ печати 15 кн. „Телескопа“ и послѣдовавшей затѣмъ исторіи, Чаадаевъ говоритъ: „Много мыслей слишкомъ абсолютныхъ, много мнѣній слишкомъ рѣзкихъ (мною тогда—при написаніи перваго письма—

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

Въ 1833 году въ Москвѣ появилась книга доктора медицины Ястребцова „О системѣ наукъ, приличныхъ въ наше время дѣтямъ, назначаемымъ къ образованнѣйшему классу общества“ [1]). Въ этой книгѣ авторъ, констатируя для Россіи отсутствіе ея прошлаго и указывая на историческую изолированность Россіи, доказываетъ, что это отсутствіе прошлаго и историческая изолированность служатъ вѣрнѣйшимъ залогомъ будущаго совершенствованія нашей родины, и что „Россія способна къ великой силѣ просвѣщенія“ [2]). При этомъ авторъ прибавляетъ: „одной особѣ (П. Я. Ч.) мы обязаны основными мыслями теперь излагаемыми (стр. 201) [3]). Самъ Чаадаевъ призналъ изложенныя здѣсь мысли своими: посылая эту книгу гр. Строганову, Чаадаевъ пишетъ:

исповѣдуемыхъ) нынѣ принадлежитъ мнѣ только въ такомъ смыслѣ, какъ всякій поступокъ нами совершенный, всякое слово нами произнесенное, конечно, принадлежитъ намъ до нашего послѣдняго дня, потому что мы отдадимъ въ нихъ отчетъ Верховному Судіи, что, однако-же, вовсе не предполагаетъ, чтобы мы были въ нихъ отвѣтственны предъ людьми“. См. „Вѣстн. Евр.“, 1874, іюль, стр. 86. То же приблизительно Чаадаевъ говоритъ и въ письмѣ къ брату М. Я. Чаадаеву отъ 7 января 1837 года. См. „Вѣстн. Евр.“, 1871, ноябрь, стр. 327. „А. И. Тургеневъ не мало удивился, увидѣвъ въ „Телескопѣ“ Чаадаевскую статью, потому что Чаадаевъ-де „уже давно *своихъ* мнѣній самъ не имѣетъ и измѣнилъ ихъ существенно“. „Остаф. Арх.“, III, 354. См. статью М. О. Гершензона „П. Я. Чаадаевъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ“ въ „Вѣстн. Евр.“, 1906, апр., 352. Самое появленіе Чаадаевскаго письма въ „Телескопѣ“ произошло лишь *съ согласія* Чаадаева, *но не по его иниціативѣ*. См. „Вѣстн. Евр.“, 1871, ноябрь, 526 и 527.—Письмо къ М. Я. Чаадаеву.

[1]) См. статью Гершензона, „Вѣстн. Евр.“, апрѣль, 1906. стр. 553.

[2]) Тамъ же, стр. 554.

[3]) Лемке, М. Б., окт, 1905, стр. 151.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

„Соблаговолите ее открыть на загнутой страницѣ, вы въ ней найдете главу, которая можетъ послужить поясненіемъ къ статьѣ, возбудившей противъ меня общественный крикъ. Мнѣ показалось, что я хорошо сдѣлаю, указавши вашему вниманію эти страницы, писанныя подъ мою диктовку, въ которыхъ мои мысли о будущности моего отечества изложены въ выраженіяхъ довольно опредѣленныхъ, хотя неполныхъ“ [1]).

Въ письмѣ къ А. И. Тургеневу, написанномъ въ 1835 г., Чаадаевъ пророчитъ Россіи уже славную судьбу; онъ теперь убѣжденъ, что Россія „должна нѣкогда дать рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, надъ которыми бьется Европа“ [2]).

Въ своей „апологіи сумасшедшаго“, появившейся въ 1837 году, Чаадаевъ писалъ: „Я думаю, что если мы пришли послѣ другихъ, то для того, чтобы сдѣлать лучше другихъ, чтобы не впадать въ ихъ ошибки, въ ихъ заблужденія, въ ихъ суевѣрія... Я считаю, что наше положеніе счастливое, если мы сумѣемъ имъ воспользоваться... Этого мало: я имѣю глубокое убѣжденіе, что мы призваны рѣшить большую часть задачъ соціальнаго порядка, совершить большую часть идей, возникшихъ въ старыхъ обществахъ“ [3]). „Исторія (т. е. прошедшее) не принадлежитъ намъ больше, это правда, но наука намъ принадлежитъ; мы не можемъ начинать сначала весь трудъ человѣческаго ума, но мы можемъ участвовать въ его дальнѣйшихъ трудахъ; прошедшее уже не въ нашей власти, но будущее наше“ [4]). „Намъ позволено надѣяться на благосостояніе еще болѣе обширное, чѣмъ то, о какомъ мечтаютъ самые пламенные служители прогресса [5])“...

---

[1]) „Вѣстн. Евр.“, 1874, іюль, стр. 85.

[2]) А. Веселовскій, „Западное вліяніе въ новой русской литературѣ“. Изд. 3-е, Москва, 1906, стр. 151.

[3]) „Вѣстн. Евр.“, дек. 1871, стр. 498.

[4]) Тамъ же, стр. 499.

[5]) Тамъ же.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

„Что же,—спрашиваетъ Чаадаевъ, развѣ я предлагаю своему отечеству дурное будущее? Находите ли вы, что я вызываю для него не славную судьбу“ [1])?

Десять лѣтъ спустя послѣ написанія апологіи, въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому отъ 29 апр. 1847 года Чаадаевъ писалъ: „Въ свое время мы, конечно, достигнемъ всего благого, изъ чего бьется родъ человѣческій; а можетъ быть, руководимые святою вѣрою нашею, и первые узримъ цѣль, Богомъ ему предназначенную“ [2]).

Итакъ, по мнѣнію Чаадаева, Россія не только не безнадежна, но въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ онъ предсказываетъ ей даже славную судьбу. Въ чемъ же будущность Россіи, каково ея мѣсто и назначеніе въ общемъ ходѣ всемірно-историческаго процесса и какое условіе для осуществленія ея цѣли? Чаадаевскій отвѣтъ на этотъ вопросъ постепенно измѣнялся и получалъ новую, болѣе опредѣленную форму. Въ первомъ философическомъ письмѣ, какъ мы видѣли, Чаадаевъ говорилъ, что Россія должна оживить въ себѣ вѣру всѣми возможными способами и переначать для себя все воспитаніе человѣческаго рода, т. е. пройти тотъ же самый историческій процессъ, какой прошла Европа, идти тѣмъ же самымъ путемъ къ той же самой цѣли. Разсужденія въ книгѣ д-ра Ястребцова вносятъ нѣсколько новую черту въ представленіе Чаадаева о будущности Россіи. Чаадаевъ теперь обращаетъ вниманіе на тотъ фактъ, что Россія появилась на исторической сценѣ сравнительно поздно, тогда, когда Западная Европа была богата уже историческимъ опытомъ. Въ этомъ—счастье Россіи, ибо она можетъ воспользоваться опытомъ Европы. Въ этомъ опытѣ есть и хорошее и дурное. Россіи не зачѣмъ повторять ошибки Ев-

---

[1]) Тамъ же.

[2]) „Вѣстн. Евр.“, 1871, ноябрь, стр. 339.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

ропы; она можетъ воспользоваться хорошимъ и отбросить дурное. Ей предстоитъ, слѣдовательно, пройти тотъ же самый историческій процессъ, какой прошла Западная Европа, но въ болѣе стройной формѣ [1]). Если, такимъ образомъ, въ книгѣ д-ра Ястребцова мы находимъ только незначительную поправку къ первому философическому письму Чаадаева, то въ письмѣ къ А. И. Тургеневу, въ „апологіи“ и въ другихъ письмахъ, писанныхъ въ 1835—1837 г. г., мы встрѣчаемся уже съ существенно новою чертою во взглядѣ Чаадаева на назначеніе русскаго народа. Чаадаевъ исходитъ и теперь изъ того же самаго положенія, изъ котораго онъ исходилъ и въ первомъ философическомъ письмѣ и въ книгѣ д-ра Ястребцова: въ то время, какъ исторія Европы представляетъ величественную картину постепеннаго осуществленія на землѣ конечнаго идеала человѣчества, прошедшее Россіи совершенно пусто. Но теперь Чаадаевъ придаетъ этому факту особенный смыслъ и значеніе. Не можетъ быть, чтобы тысячелѣтняя исторія русскаго народа была только ошибкою и заблужденіемъ. Если исторія человѣчества управляется Божественнымъ Провидѣніемъ, то очевидно, что и въ исторіи русскаго народа нужно усматривать нѣчто провиденціальное. Очевидно, Богъ ведетъ Россію особеннымъ путемъ, а значитъ и цѣли у нея особенныя. При этомъ Чаадаевъ вводитъ въ свое міросозерцаніе совершенно новую черту: это—его взглядъ на православіе. Въ первомъ философическомъ письмѣ Чаадаевъ, приписывая все въ исторіи человѣчества католичеству, совершенно отрицаетъ всякое значеніе православія. Теперь Чаадаевъ готовъ признать значеніе и за православіемъ. „Было преувеличеніемъ, пишетъ онъ въ своей „апологіи“, не отдать ея доли этой Церкви, столь смиренной, иногда столь героической, которая одна утѣшаетъ за пустоту нашихъ лѣтописей, которой принадлежитъ честь каж-

[1]) „Вѣстн. Европы“, апр. 1906, стр. 555.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

даго подвига мужества, каждаго прекраснаго самоотверженія нашихъ отцовъ, каждой прекрасной страницы нашей исторіи“ [1]). Теперь Чаадаевъ признаетъ равноправность православія съ католичествомъ: „Наша церковь, пишетъ онъ графу Сиркуру, существенно аскетическая, точно такъ же, какъ ваша—существенно соціальная: отсюда равнодушіе одной ко всему тому, что происходитъ внѣ ея; отсюда живое участіе, какое другая принимаетъ во всемъ. Это-то и есть два полюса христіанской сферы, которые вращаются на оси ея абсолютной правды, ея настоящей истины“ [2]). Мало того: Чаадаевъ теперь только православіе признаетъ за истинную форму христіанства.

„Въ Россіи христіанство, пишетъ онъ М. Ѳ. Орлову, осталось чистымъ отъ соприкосновенія съ людскими страстями и земными интересами, потому что здѣсь оно, какъ его Божественный Основатель, только молилось и смирялось“ [3]). Особенность, исключительность назначенія русскаго народа и чистота сохранившагося среди него христіанства,—вотъ что выдвигаетъ теперь Чаадаевъ. Очевидно, заключаетъ онъ, по волѣ Божественнаго провидѣнія, Россія должна идти своимъ собственнымъ путемъ; она должна воспользоваться тѣми результатами, которые добыла Европа, встать впереди ея и, при помощи православія, какъ въ чистотѣ сохранившейся формы христіанства, разрѣшить тѣ вопросы, для которыхъ почву подготовила Европа. Цѣль человѣчества, по представленію Чаадаева, остается та же—водвореніе на землѣ Царства Божія; но Европа свое дѣло сдѣлала; ее должна замѣнить Россія. Задача Россіи, какъ удачно формулировалъ г. Гершензонъ,—„жить на свой ма-

[1]) „Вѣстн. Евр.“, дек. 1871, стр. 500.
[2]) „Вѣстн. Евр.“, 1874, іюль, стр. 91.
[3]) Тамъ же, стр. 78.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

перъ, не подражая Европѣ, но пользуясь плодами ея долгаго опыта, какъ научилъ насъ Петръ Великій; иными словами—твердое сознаніе нашей національной самобытности и тѣсное культурное общеніе съ западными народами" [1]).

Само собою разумѣется, Чаадаевъ не былъ и не могъ быть сторонникомъ насильственныхъ переворотовъ, хотя, съ легкой руки Герцена [2]), его считали и считаютъ революціонеромъ, или, по крайней мѣрѣ, однимъ изъ главарей освободительнаго движенія. Чаадаевъ не могъ быть революціонеромъ уже потому, что это противорѣчило его системѣ [3]), ибо исторія, по его взгляду, есть, какъ мы видѣли, постепенное, чуждое всякихъ скачковъ [4]) и насильственныхъ переворотовъ, осуществленіе конечной цѣли человѣчества. Кромѣ того, кровавая революція совершенно не въ характерѣ Чаадаева. Свербеевъ такъ характеризуетъ его: „Любовь къ миру, отвращеніе отъ крови превозмогали въ немъ всѣ другія задушевныя его убѣжденія, потому что основою всѣхъ его

---

[1]) „Вѣстн. Евр.", апр. 1906, стр. 560.

[2]) „Du developpement des idées révolutionnaires en Russie".

[3]) На это указываетъ и самъ Чаадаевъ. Въ письмѣ къ А. И. Тургеневу (1835 г.) онъ пишетъ: „Что я сдѣлалъ, что я сказалъ такого, чтобы меня можно было причислять къ оппозиціи? Я ничего другого не говорю и не дѣлаю, я только повторяю, что все стремится къ одной цѣли, и что эта цѣль—Царство Божіе". Цит. по М. О. Гершензону—„Вопросы жизни", 1905, №№ 10 - 11; стр. 3 2.

[4]) Лонгиновъ говоритъ о Чаадаевѣ: „Чаадаевъ не увлекался политическими и общественными утопіями, не вѣрилъ въ скачки и не терпѣлъ ихъ, зная, что они такъ же легко и безплодно совершаются впередъ, какъ въ сторону или назадъ; онъ стоялъ на твердой почвѣ исторической, признавалъ права на жизнь въ исторически-развившихся общественныхъ элементахъ". „Воспоминаніе о П. Я. Чаадаевѣ"—„Русскій Вѣстникъ", 1862, № 11, стр. 152.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

убѣжденій была чистая христіанская любовь къ человѣчеству“ [1]). Извѣстенъ взглядъ Чаадаева на декабрьское движеніе: „...Великій Государь, пишетъ онъ, пріобщилъ насъ своему великому посланію, проведши побѣдителями съ одного края Европы на другой; мы прошли просвѣщеннѣйшія страны свѣта, и что же принесли домой? Одни дурныя понятія, гибельныя заблужденія, которыя отодвинули насъ еще на полстолѣтіе“ [2]).

Отрицательно отнесся Чаадаевъ и къ іюльской революціи. „Недавно,—пишетъ Чаадаевъ Пушкину отъ 18 сентября 1831 года,—всего какой-нибудь годъ тому назадъ, міръ жилъ себѣ съ чувствомъ спокойной увѣренности въ своемъ настоящемъ и будущемъ, мирно вспоминая свое прошедшее и поучаясь имъ. Духъ возрождался въ спокойствіи, память человѣческая обновлялась, мнѣнія примирялись, стихала страсть, раздраженія не находили себѣ пищи, честолюбіе получало удовлетвореніе въ прекрасныхъ трудахъ, всѣ потребности человѣка мало-по малу сводились въ предѣлы умственной сферы, всѣ интересы были готовы сойтись на единомъ интересѣ всеобщаго прогресса разума. Для меня это была—вѣра, довѣрчивость безконечная! Въ этомъ счастливомъ мирѣ міра, въ этомъ будущемъ я обрѣталъ и мой собственный миръ, видѣлъ мое собственное будущее. И случилась вдругъ глупость одного человѣка, одного изъ тѣхъ людей, которые, невѣдомо для нихъ самихъ, бываютъ призваны управлять человѣческими дѣлами, и вотъ: спокойствіе, миръ, будущее,— все вдругъ разлетѣлось прахомъ. Подумайте хорошенько: все это произведено не однимъ изъ великихъ событій, сокрушающихъ царства и народы; нѣтъ, дурость одного человѣка!... У меня, такъ чувствую, слезы

---

[1]) „Записки Д. Н. Свербеева“, т. II, М. 1899, стр. 407
[2]) „Телескопъ“, стр. 295.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

навертываются, когда погляжу на это великое бѣдствіе стараго, моего стараго общества. Это всеобщее горе, обрушившееся столь внезапно на мою Еврону, усугубило мое личное горе“ [1]).

Наконецъ, Чаадаевъ не могъ быть революціонеромъ потому, что былъ сторонникомъ самодержавія. „Я глубоко убѣжденъ, пишетъ онъ въ письмѣ къ Императору Николаю I, что для насъ невозможенъ никакой прогрессъ иначе, какъ при условіи полнаго подчиненія чувства всѣхъ вѣрноподданныхъ чувствамъ Государя“ [2]). Одновременно Чаадаевъ писалъ и гр. Бенкендорфу: „...Въ моихъ понятіяхъ долгъ святой каждаго гражданина покорность безусловная властямъ, Провидѣніемъ поставленнымъ, а Вы, облеченные довѣріемъ самодержца, представляете въ глазахъ моихъ власть Его. Всякому Вашему рѣшенію смиренно повиноваться буду“ [3]).

Сдѣлаемъ теперь резюме философско-исторической системы Чаадаева.—Цѣль человѣческой исторіи—слiяніе человѣчества съ Богомъ. Эта цѣль достигается силою Божественною и человѣческою свободою. Со времени явленія на землѣ Христа сила Божественная является въ исторіи какъ христіанство. Теперь оно ведетъ человѣчество къ предназначенной ему цѣли. Въ первую половину христіанской исторіи христіанство, какъ дѣятельная историческая сила, является въ формѣ католичества. Потомъ католичество смѣняется православіемъ. Православіе, воспользовавшись плодами католичества, окончательно разрѣшитъ историческую задачу и приведетъ человѣчество къ его конечной цѣли. Но здѣсь мысль Чаадаева остается нѣсколько недоговоренной. Вѣдь цѣль человѣчества есть *единеніе* его во Христѣ и слiяніе

---

[1]) „Русскій Арх.“, 1881, I, 436—437.
[2]) Цит. по Лемке, „Міръ Божій“, 1905, сент., стр. 21.
[3]) Тамъ же.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

уже *единаго* и *нераздѣльнаго* человѣчества съ Богомъ. А между тѣмъ человѣчество до сихъ поръ остается разъединеннымъ вслѣдствіе раздѣленія церквей. Естественно возникаетъ вопросъ о соединеніи церквей. Чаадаевъ, однако, объ этомъ нигдѣ ничего не говоритъ. Возможно, впрочемъ, что рѣчь объ этомъ есть въ утерянныхъ или до сихъ поръ не обнародованныхъ письмахъ Чаадаева. Г. Гершензонъ, исходя изъ общаго смысла идей Чаадаева, предполагаетъ, „что идеальная церковь, церковь будущаго, та, которая и создастъ на землѣ Царство Божіе, „всѣ прочія царства въ себѣ заключающее", представлялась ему какъ сочетаніе двухъ необходимыхъ элементовъ христіанской религіи: соціальнаго и аскетическаго. Могучая централизованность католической церкви и ея чудесно наложенный практически-религіозный механизмъ, съ одной стороны, чистый духъ христіанства, сохранившійся въ православіи, съ другой,—эти два фактора должны слиться и взаимно проникнуть другъ друга, чтобы повести человѣчество къ осуществленію его послѣднихъ „судебъ" [1]). Это предположеніе г. Гершензона вполнѣ можно принять.

3.

Таково міросозерцаніе П. Я. Чаадаева. Попытаемся теперь уяснить происхожденіе его міросозерцанія и опредѣлить то мѣсто, какое Чаадаевъ занимаетъ въ исторіи русской общественной мысли.

Міросозерцаніе Чаадаева есть, съ одной стороны, плодъ своеобразной психики и жизни П. Я. Чаадаева; съ другой стороны, оно есть продуктъ своего времени, стоитъ въ связи съ другими аналогичными ученіями, отъ нихъ зависитъ и, въ свою очередь, на нихъ вліяетъ. Въ первомъ случаѣ

[1]) „Вѣстн. Евр.", апр. 1906, стр. 569.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

оно должно имѣть историко-психологическое объясненіе; во второмъ случаѣ подлежитъ объясненію историко-литературному [1]).

Какъ мы видѣли выше, Чаадаева съ раннихъ поръ, чуть не съ дѣтства, интересовали вопросы религіи и христіанства. Съ теченіемъ времени христіанство пріобрѣтаетъ въ душѣ Чаадаева характеръ мистицизма. Параллельно съ увлеченіемъ вопросами христіанства, Чаадаева, въ періодъ послѣ знакомства съ Пушкинымъ и будущими декабристами, интересуютъ вопросы общественные. Какъ христіанство въ душѣ Чаадаева пріобрѣло *особый* характеръ—мистицизма, такъ и въ разрѣшеніи соціальныхъ вопросовъ Чаадаевъ занялъ особенное между будущими декабристами положеніе. Чаадаевъ, по своему происхожденію и воспитанію, принадлежалъ къ тому „немногочисленному и немногимъ доступному кругу“, настроеніе котораго, послѣ извѣстныхъ заграничныхъ походовъ русскаго войска, по словамъ П. Н. Милюкова, „не совсѣмъ соотвѣтствовало тому, которое вынесли изъ тѣхъ же заграничныхъ походовъ будущіе декабристы“ [2]). „Въ этомъ кругѣ, говоритъ П. Н. Милюковъ, не раздѣляли энтузіазма, вызваннаго въ большой публикѣ мнимымъ „союзомъ государей съ народами“, потому что лучше могли судить о качествѣ этого союза; здѣсь лучше помнили и связь только что пережитыхъ событій,—и въ низложеніи Наполеона торжествовали не побѣду народной свободы надъ деспотизмомъ, а пораженіе демократическаго цезаризма, созданнаго революціей. Разочарованія прошлаго были здѣсь гораздо сильнѣе надеждъ на будущее. Относясь скептически или враждебно къ мечтамъ о какой-то новой эрѣ политической свободы, люди этого круга не могли помириться съ крушеніемъ старой доброй традиціи и ждали всего не отъ писанныхъ конституцій, а отъ возстановленія старинной дисципли-

[1]) См. Гершензонъ, „Вопр. Жизни“, 1905, № 10—11.
[2]) „Главн. теч. русск. ист. мысли“, стр. 375.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

ны, общественной и нравственной" [1]) Раздѣляя этотъ послѣдній взглядъ, Чаадаевъ не могъ сочуствовать тому разрѣшенію общественныхъ вопросовъ, которое предлагали будущіе декабристы. Однако, самые вопросы представляли для Чаадаева чрезвычайный, напряженный интересъ, и онъ, несмотря на все свое увлеченіе христіанскимъ мистицизмомъ, не могъ уже отказаться отъ такого или иного ихъ разрѣшенія. Вотъ эти-то два теченія, общественный интересъ будущихъ декабристовъ и увлеченіе христіанской мистикой,—и скрестились, какъ чрезвычайно мѣтко опредѣлилъ г. Гершензонъ [2]), въ ученіи Чаадаева. Самое міросозерцаніе Чаадаева приходится, по словамъ г. Гершензона, „характеризовать терминомъ, въ двухъ частяхъ котораго скрывается на видъ непримиримое противорѣчіе,—терминомъ: *соціальный мистицизмъ*" [3]).

Итакъ, по своему психологическому происхожденію, чаадаевская теорія есть результатъ двоякаго интереса Чаадаева—а) къ вопросамъ христіанской религіи и в) къ вопросамъ соціальнымъ.

---

[1]) Тамъ же.

[2]) См. „Научн. Сл.", 1905, кн. VI, стр. 120.

[3]) Тамъ же. Эта характеристика представляется на нашъ взглядъ несравненно болѣе удачной, чѣмъ опредѣленіе, сдѣланное А. М. Скабичевскимъ: „католическій мистицизмъ" (См. соч. Скабичевскаго, т I, стр. 291). Во-первыхъ, потому, что въ опредѣленіи г. Гершензона указывается на особый, не индивидуалистическій характеръ Чаадаевскаго мистицизма, что очень важно и существенно; во-вторыхъ, потому, что, какъ мы видѣли, приписывая въ первомъ философическомъ письмѣ исключительно важное значеніе въ исторіи человѣчества католичеству,—въ послѣдующихъ своихъ произведеніяхъ Чаадаевъ усвоилъ такое же значеніе, и даже бо́льшее, и православію. Опредѣленіе г. Скабичевскаго является, такимъ образомъ, не только не полнымъ, но и не точнымъ и невѣрнымъ.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

По своему историко-литературному положенію, теорія Чаадаева стоитъ въ связи, прежде всего, съ аналогичными западными теоріями, ибо, какъ вообще русская мысль развивалась подъ вліяніемъ Запада, такъ подъ вліяніемъ же Запада созрѣвали и русскія общественныя теоріи. Изъ западныхъ теорій система Чаадаева стоитъ въ непосредственной связи съ тѣми католическими доктринами, которыми такъ богаты были первые годы XIX ст. Мистическимъ элементомъ въ своей теоріи Чаадаевъ много обязанъ сочиненіямъ Юнга-Штиллинга, которыми онъ особенно увлекался во время пребыванія за границей. Затѣмъ, Чаадаевъ много обязанъ Боссюэту, де-Местру, Бональду, Балланшу и др. У де-Местра онъ заимствовалъ идею исторической преемственности, у Бональда—идею воспитанія человѣчества Богомъ [1]). Бональду Чаадаевъ обязанъ и многими отдѣльными своими мыслями. „Сюда относится, напр., основная посылка Чаадаева о христіанскомъ прогрессѣ, какъ о единственно возможномъ, о католичествѣ, какъ дѣятельно-нравственной формѣ христіанства, объ отношеніи свободной человѣческой воли къ всемірно-историческому плану, предустановленному Провидѣніемъ“ [2]) и др. Не маловажное вліяніе на Чаадаева оказала философія и личное вліяніе Шеллинга, съ которымъ онъ познакомился во время пребыванія за границей, въ Карлсбадѣ, и находился потомъ въ перепискѣ [3]). Шеллингу Чаадаевъ, вѣроятно, не мало обязанъ той широкой, всемірно-исторической постановкой, какую онъ далъ своей теоріи. Впослѣдствіи, уже послѣ появленія въ печати перваго фило-

---

[1]) См. „Вопр. Жизни“, 1905, №№ 10—11, стр. 297.

[2]) Милюковъ „Главн. теч. русск. ист. мысли“, стр. 377.

[3]) Шеллингъ отзывался о Чаадаевѣ, какъ объ „одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей, которыхъ онъ встрѣчалъ“. См. А. Веселовскій „Зап. вліяніе въ новой русск. лит.“ Изд. 3, стр. 150.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

софическаго письма, когда Чаадаевъ подвергъ свою теорію новому пересмотру, вліяніе шеллингизма, какъ онъ развился уже на русской, московской почвѣ, сказалось даже въ самой терминологіи Чаадаева [1]), въ томъ, что онъ, какъ выражается П. Н. Милюковъ, „переодѣлъ свои основные принципы въ новый философскій костюмъ“ [2]).

Въ такомъ отношеніи стоитъ теорія Чаадаева къ западному вліянію. Что касается опредѣленія связи чаадаевской системы съ русскими историческими взглядами и теоріями, то здѣсь важно указать на характеръ того момента, въ который появилось чаадаевское письмо. Это было время такъ называемой оффиціальной народности.

Прекрасную характеристику системы оффиціальной народности сдѣлалъ гр. Бенкендорфъ въ словахъ, сказанныхъ М. О. Орлову, осмѣлившемуся выступить въ защиту Чаадаева: „Прошедшее Россіи было удивительно, ея настоящее болѣе чѣмъ великолѣпно; что же касается ея будущаго, то оно выше всего, что можетъ нарисовать себѣ самое смѣлое воображеніе; вотъ, мой другъ, точка зрѣнія, съ которой русская исторія должна быть разсматриваема и писана“ [3]). Научнымъ оправданіемъ этой системы была „Исторія Государства Россійскаго“, написанная Карамзинымъ, о которой Императоръ Николай I сказалъ Карамзину: „Александръ сказалъ вамъ: русскій народъ достоинъ знать свою исторію. Исторія, вами написанная, достойна русскаго народа“. Од-

---

[1]) „Вотъ какъ формулируются теперь основныя положенія Чаадаева въ терминахъ новой философіи исторіи: „Исторія народа не есть простой рядъ фактовъ, смѣняющихъ другъ друга, а цѣпь идей, находящихся во взаимной связи. Фактъ долженъ объясняться идеей; въ событіяхъ должна проявляться и стремиться къ осуществленію какая-нибудь мысль, какое-нибудь начало“ “. См. Милюковъ „Глав. теч. рус. ист. мысли“, стр. 388.

[2]) „Гл. теч. рус. ист. мысли“, стр. 389.

[3]) „Міръ Божій“, окт. 1905, стр. 141.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

нако, русское образованное общество уже и тогда не раздѣляло взглядовъ своего правительства [1]). Либералы, какъ говоритъ Пыпинъ, уже не вѣрили въ историческія картины Карамзина [2]). Въ университетахъ, въ ученыхъ трудахъ, въ журнальныхъ статьяхъ, подвергали рѣзкой критикѣ исторію Карамзина. Князь П. А. Вяземскій, въ своемъ проектѣ письма къ графу С. С. Уварову [3]), указываетъ примѣры русской отрицательной исторической критики. Одновременно съ отрицательнымъ отношеніемъ къ русскому прошлому, въ русскомъ обществѣ замѣтно проявилось отрицательное отношеніе и къ русскому настоящему, что и выражалось, главнымъ образомъ, въ литературѣ. „Пушкинъ въ молодости сталъ какъ будто сатирическимъ органомъ тогдашнихъ либераловъ и изображалъ разочарованіе Онѣгина; Грибоѣдовъ написалъ филиппики своего Чацкаго; неизвѣстный авторъ письма 1824 года уже высказывалъ объ умственномъ состояніи русскаго общества мысли, которыя очень родственны съ мыслями чаадаевскаго письма“ [4]). Первое философическое письмо Чаадаева и явилось, съ одной стороны, какъ „естественный и созрѣвшій результатъ направленія, которое дано было исторической нашей критикѣ“ [5]), съ другой стороны — какъ одинъ изъ моментовъ того отрицательнаго отношенія къ настоящему, которое замѣтно было въ русской литературѣ того времени. Однако, взглядъ Чаадаева былъ нѣчто

---

[1]) Было, конечно, не мало и сторонниковъ системы оффиціальной народности, на что указываютъ тѣ ожесточенныя нападки, которыя вызвало со стороны русскаго общества Чаадаевское письмо.

[2]) „Характеристики литературныхъ мнѣній“, „Вѣстн. Евр.“, дек., 1871. стр. 503.

[3]) См. соч. Вяземскаго, т. II. СПБ. 1879.

[4]) Пыпинъ „Характеристики литер. мнѣній“, В. Е. тамъ же.

[5]) Соч. Вяземскаго, т. II, стр. 221.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

большее, чѣмъ только одинъ изъ видовъ обычнаго отрицательнаго отношенія русскаго общества къ прошлому и настоящему Россіи. Чаадаевъ, какъ мы видѣли, представилъ цѣлую систему,—при этомъ въ широкой всемірно исторической постановкѣ, и далъ ей философское обоснованіе. Вотъ почему вполнѣ справедливо проф. Веселовскій называетъ Чаадаева „первымъ по времени на Руси философомъ исторіи“ [1]). Чаадаеву первому изъ русскихъ мыслителей принадлежитъ честь примѣненія къ построенію и истолкованію русской исторіи тѣхъ философско-историческихъ идей, какія выработаны были къ этому времени русской исторической мыслью [2]). —Какъ опытъ философіи русской исторіи, чаадаевская теорія не была только философски обоснованнымъ отрицаніемъ прошлаго и настоящаго Россіи; въ ней мы находимъ и положительный моментъ. По словамъ П. Н. Милюкова, философическія письма Чаадаева „для насъ интересны, какъ первая теоретическая попытка, поставившая вопросъ о національной и всемірно-исторической роли Россіи на ту почву, на которой этотъ вопросъ рѣшался затѣмъ теоретиками славянофильства“ [3]). Въ этомъ смыслѣ Чаадаева можно считать предшественникомъ славянофиловъ. Однако, въ то время, когда теорія Чаадаева впервые сдѣлалась извѣстной, тѣ два основныя общественныя теченія, которыя характеризуютъ послѣдующее время,—западничество и славянофильство,—лишь только зарождались, еще не дифференцировались и строго не опредѣлились; одни и тѣ же лица носили въ своихъ убѣжденіяхъ зародыши того и другого направленія. Поэтому, если отъ И. Кирѣевскаго одинаково въ правѣ вести свое начало какъ позднѣйшіе западники, такъ и славянофилы [4]), то

---

[1]) „Зап. вліяніе въ новой русской литературѣ“, стр. 152.
[2]) Милюковъ, „Гл. теч. рус. ист. мысли“, стр. 340–341.
[3]) „Гл. теч. рус. ист. мысли“, стр. 378.
[4]) Скабичевскій, Собр. соч., т. I, стр. 275.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

съ равнымъ правомъ и Чаадаева можно считать предшественникомъ и тѣхъ и другихъ. Поскольку Чаадаевъ выдвигалъ, какъ главный факторъ въ исторіи человѣчества, религію, его можно считать предшественникомъ славянофиловъ; поскольку онъ указывалъ на необходимость для Россіи слѣдовать по тому же самому историческому пути, по которому идетъ западная Европа, онъ былъ предшественникомъ западниковъ. Поэтому правъ проф. Веселовскій, когда говоритъ, что съ „печальной фигуры“ [1]) Чаадаева и середины тридцатыхъ годовъ, когда появилось его философское письмо, ведетъ свое начало западничество, какъ литературно-общественное направленіе“ [2]). Въ своемъ первомъ философическомъ письмѣ Чаадаевъ былъ несравненно ближе къ западничеству, чѣмъ къ славянофильству. Совершенное отрицаніе прошлаго и настоящаго Россіи, преклоненіе предъ Западной Европой и ея цивилизаціей, указаніе на отсутствіе для Россіи иного пути, чѣмъ тотъ, какимъ идетъ Западная Европа,—все это было по душѣ западникамъ, но не славянофиламъ. Вотъ почему съ такимъ восторгомъ читали пятнадцатую книжку „Телескопа“ Герценъ и его вятскіе друзья [3]). Напротивъ, будущіе славянофилы отнеслись къ чаадаевскому письму отрицательно. А. С. Хомяковъ „готовилъ на него, по своему мнѣнію, уничтожающее громовое опроверженіе“, хотя, когда разнеслась вѣсть о наказаніи, „своему намѣренію не далъ никакого хода, говоря, что „и безъ него уже Чаадаеву достаточно неучтиво отвѣчали“ [4]). Своимъ рѣзкимъ отношеніемъ къ прошлому и настоящему Россіи первое философи-

---

[1]) Выраженіе Герцена.

[2]) „Зап. вліяніе въ новой рус. лит.“, стр. 177.

[3]) Герценъ, „Былое и думы“. См. соч. т. II, СПБ., 1905, стр. 402—403.

[4]) Жихаревъ. См. „В. Евр.“, 1871, V. 37.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

ческое письмо Чаадаева оказало, прежде всего, отрицательное вліяніе на славянофильство. Оно должно было „послужить толчкомъ для столь же рѣшительной реабилитаціи нашего прошлаго будущими славянофилами“ [1]), и, такимъ образомъ, „значительно способствовало скорѣйшему завершенію теоретическаго обоснованія славянофильства“ [2]). Однако, этимъ отрицательнымъ вліяніемъ не ограничивалось значеніе для славянофильства чаадаевской теоріи даже и въ томъ ея видѣ, въ какомъ она явилась въ философическихъ письмахъ. По мнѣнію П. Н. Милюкова, Чаадаевъ „едва ли не первый открылъ славянофиламъ глаза на общую связь идей христіанской исторической философіи, а только въ этой связи православная религіозная идея получала всемірно-историческое значеніе“ [3]).—Впослѣдствіи, когда, какъ мы видѣли, въ міросозерцаніи Чаадаева произошло значительное развитіе, а славянофильство и западничество строго опредѣлились, Чаадаевъ не примкнулъ ни къ тому, ни къ другому лагерю, сходясь съ обоими въ нѣкоторыхъ пунктахъ и расходясь въ другихъ. Съ славянофилами Чаадаевъ сходился теперь во взглядѣ на особенное, исключительное историческое призваніе русскаго народа и на ту роль, которую предстоитъ сыграть въ этомъ призваніи православію, какъ въ чистотѣ сохранившейся формѣ христіанства; если мы вспомнимъ при этомъ, что Чаадаевъ всегда былъ сторонникомъ самодержавія, то сходство его съ славянофилами выступитъ для насъ еще замѣтнѣе. Чаадаевъ выдвигаетъ теперь тѣ же самыя три начала, которыя выставили на своемъ знамени славянофилы: православіе, самодержавіе, народность, понимая подъ послѣдней самобытное развитіе русскаго народа, жизнь „на свой манеръ“. Однако, и теперь Чаадаевъ существенно расходится

---

[1]) Милюковъ, „Гл. теч. р. и. м.“, стр. 394.
[2]) Лемке, М. Б. 1905, окт., стр. 139.
[3]) „Гл. теч. р. п. м.“, стр. 394—395.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

съ славянофилами во взглядѣ на историческое прошлое русскаго народа [1]) и въ оцѣнкѣ значенія для Россіи Запада и его цивилизаціи. Въ этихъ двухъ пунктахъ Чаадаевъ сходится съ западниками, но расходится съ ними по вопросу объ исключительномъ призваніи русскаго народа (народность) [2]), самодержавіи и, особенно, православіи, ибо западники отрицали всякое значеніе православія въ исторіи русскаго народа [3])

Итакъ, міросозерцаніе Чаадаева не сливается всецѣло ни съ западничествомъ, ни съ славянофильствомъ. Чаадаевъ могъ сказать западникамъ такъ же, какъ сказалъ однажды И. Кирѣевскій Грановскому: „Сердцемъ я больше связанъ съ вами, но не дѣлю многаго изъ вашихъ убѣжденій; съ нашими (славянофилами) [4]) я ближе вѣрой, но столько же расхожусь въ другомъ“ [5]). Однако, теперь уже у Чаадаева больше точекъ соприкосновенія съ славянофилами, чѣмъ съ западниками. Это объясняется до нѣкоторой степени тѣмъ обстоятельствомъ, что, оказывая, какъ мы видѣли выше, вліяніе на славянофильство, Чаадаевъ, въ свою очередь, подвергся вліянію со стороны славянофиловъ. Можно считать почти несомнѣннымъ, что своимъ взглядомъ на православіе

---

[1]) Чаадаевъ называлъ славянофильство „возвратнымъ“ направленіемъ. См. „В. Евр“ 1895, сент., стр. 90, ст. А. Веселовскаго „Гоголь и Чаадаевъ“.

[2]) Впрочемъ, этотъ пунктъ не былъ пунктомъ существеннаго разногласія Чаадаева съ западниками. Извѣстно, напр., что Герценъ, разочаровавшись въ Западѣ, возлагалъ большія надежды на русскій народъ и русскую общину.

[3]) См. письмо Бѣлинскаго къ Гоголю. Книгоизд., „Свѣточъ“. СПБ. 1905.

[4]) Хотя Чаадаевъ никогда не называлъ славянофиловъ „своими“, а, напротивъ, рѣзко подчеркивалъ свое разногласіе съ ними.

[5]) Соч. Скабичевскаго, т. I, стр. 277.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

Чаадаевъ обязанъ славянофиламъ; по крайней мѣрѣ, разсужденія о „смиреніи“, какъ отличительномъ свойствѣ „боголюбивыхъ отцевъ нашихъ“ [1]), заимствованы Чаадаевымъ у славянофиловъ [2]).

Съ теченіемъ времени выродилось и славянофильство и западничество: славянофилы обратились въ представителей, по выраженію Вл. Соловьева, „площаднаго патріотизма“ [3]) и „безъидейнаго національнаго“ [4]), въ чуждыхъ всякой широты и смѣлости мысли реакціонеровъ, противниковъ всякаго прогресса; а западничество, возникшее первоначально на идеалистической гегельянской почвѣ, смѣнилось чисто матеріалистическими и соціально-экономическими доктринами. Однако, слѣдъ чаадаевской теоріи въ исторіи русской общественной мысли не пропалъ. Его можно находить въ тѣхъ теоріяхъ, которыя объясняли исторію человѣчества религіозно, а общественную жизнь русскаго народа пытались основать на христіанскихъ началахъ. И прежде всего наше вниманіе должно остановиться на системѣ Вл. Соловьева. Достаточно самаго поверхностнаго сравненія чаадаевской теоріи съ грандіозной и глубокомысленной философско-исторической системой Вл. Соловьева, чтобы убѣдиться въ сходствѣ между ними. У Вл. Соловьева мы находимъ то же религіозное объясненіе исторіи человѣчества, какъ и у Чаадаева. Такъ же, приблизительно, какъ и Чаадаевъ, Вл. Соловьевъ опредѣляетъ цѣль міра, именно, какъ „*соединеніе* всѣхъ въ одно богочеловѣческое тѣло, въ которомъ всѣ силы творенія дѣятельно воплощаютъ въ себѣ единое Божество“ [5]). Такъ же, какъ и

---

[1]) См. письмо Чаадаева къ кн. Вяземскому. „В. Евр.“, 1871, ноябр. 339—340.

[2]) „В. Евр.“, апр., 1906, стр. 567.

[3]) Собр. соч. изд. „Тов. Общ. Польза“, т. V, стр. 80.

[4]) Тамъ же, стр. 355.

[5]) Соч. т. IV, стр. 46.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

Чаадаевъ, Вл. Соловьевъ указываетъ два фактора въ исторіи человѣчества: Божескій—Божественное Провидѣніе—и человѣческій—свободную волю. Что касается объясненія всемірнаго историческаго процесса, самаго хода исторіи человѣчества, то и здѣсь мы находимъ большое сходство между Чаадаевымъ и Соловьевымъ; только объясненіе всемірно-историческаго процесса, данное Вл Соловьевымъ, отличается бо́льшею глубиною и широтою мысли, чѣмъ объясненіе Чаадаева: при объясненіи смысла великихъ историческихъ явленій, напр., протестантства, Вл. Соловьевъ указываетъ такія ихъ стороны и послѣдствія, которыя остались незамѣченными Чаадаевымъ. Мы не беремся подробно прослѣдить ходъ всемірной исторіи, какъ онъ разъясняется Вл. Соловьевымъ, потому что это слишкомъ расширило бы нашу задачу. Укажемъ только нѣкоторые пункты сходства между Чаадаевымъ и Вл. Соловьевымъ. Чаадаевъ, какъ мы видѣли, важное значеніе въ исторіи христіанскаго человѣчества усвоялъ католичеству, его внѣшней церковной организаціи и папству, какъ объединяющему началу. Вл. Соловьевъ также признаетъ важную роль во всемірной исторіи католичества, доказываетъ необходимость внѣшней католической церковной организаціи и защищаетъ папство въ его идеѣ (въ отличіе отъ „папизма“, какъ фактическаго извращенія идеи папства). Съ точки зрѣнія Чаадаева христіанство наибольшіе успѣхи сдѣлало въ средніе вѣка; Соловьевъ также средніе вѣка называетъ періодомъ „*наиболѣе религіознымъ* въ смыслѣ благочестія и преданности духовной власти“ [1]). По теоріи Чаадаева, каждый отдѣльный народъ, будучи частью великаго цѣлаго—человѣчества—и участвуя въ его общемъ дѣлѣ, не-

---

[1]) Собр. соч., т. IV, стр. 89. Однако, Вл. Соловьевъ, съ свойственной ему широтою взгляда, видитъ и обратную сторону средневѣкового періода, почему и называетъ его „наименѣе христіанскимъ въ смыслѣ общественной нравственности“. „Же-

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

сетъ свою особую миссію; въ частности, русскому народу предстоитъ самобытное развитіе, жизнь на свой манеръ при тѣсномъ культурномъ общеніи съ другими народами. Такова же точка зрѣнія и Вл. Соловьева. „По апостольскому ученію, говоритъ онъ, все человѣчество имѣетъ общую задачу, одно общее дѣло — осуществленіе Царства Божія въ мірѣ. Для этого великаго дѣла требуется раздѣленіе историческаго труда. Это требованіе исполняется благодаря многообразію племенныхъ и народныхъ характеровъ и силъ, при чемъ каждое племя и каждый народъ имѣетъ свою особую долю въ общемъ дѣлѣ, разрабатываетъ особую сторону общей задачи. Для всецѣлаго исполненія этой задачи, для совершенія дѣла Божія, необходимо раздѣленіе труда и согласіе трудящихся“ [1]). По мнѣнію Чаадаева, Россія приняла изъ Византіи не чистое христіанство; такъ же думаетъ и Вл. С Соловьевъ: по его словамъ, „Россія, принявши православное христіанство изъ Византіи, получила его въ томъ видѣ, который оно имѣло тамъ въ X и XI вѣкѣ; вмѣстѣ съ православіемъ она получила и византизмъ, т. е. смѣшеніе вѣчныхъ и существенныхъ формъ церкви съ временными и случайными, вселенскаго преданія съ мѣстнымъ“ [2]).

Послѣ пересмотра своей теоріи Чаадаевъ, какъ мы видѣли, сталъ признавать равноправность православія и католичества; это, по его мнѣнію, два полюса одной и той же христіанской сферы, при чемъ православіе явилось въ исторіи преимущественно какъ религія аскетическая и потому сохранилось чистымъ отъ соприкосновенія съ людскими страстями

стокія преслѣдованія еретиковъ, по словамъ Вл. Соловьева, составляли лишь одну изъ подробностей въ общей картинѣ свирѣпаго мучительства, царившаго въ средневѣковой жизни“. Тамъ же.

[1]) Тамъ же, стр. 70.

[2]) Тамъ же, стр. 66.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua

Труды Киевской Духовной Академии

и земными интересами; католичество, напротивъ, было, по преимуществу, формой христіанства дѣятельной, соціальной. Церковь же будущаго представлялась ему, если вѣрна догадка г. Гершензона, какъ соединеніе этихъ двухъ необходимыхъ элементовъ христіанской религіи: соціальнаго и аскетическаго. Такъ же приблизительно опредѣляетъ взаимное отношеніе православія и католичества и Вл. С. Соловьевъ. „Сохраненіе церковной истины, говоритъ онъ, было преимущественною задачею православнаго востока; организація церковной дѣятельности подъ руководствомъ единой и безусловно самостоятельной духовной власти являлась преимущественной задачей католическаго Запада. Мы, прибавляетъ Соловьевъ, рѣшительно не можемъ допустить, чтобы эти двѣ задачи исключали другъ друга, чтобы одна мѣшала другой; напротивъ, и логическое разсужденіе, и историческій опытъ ясно показываютъ намъ, что *полнота* церковной жизни требуетъ одинаковаго вниманія къ обѣимъ задачамъ“ [1]). Таковы только нѣкоторые частные пункты сходства между Чаадаевымъ и Вл. Соловьевымъ. Но дѣло, конечно, не въ этихъ частныхъ пунктахъ, а въ томъ общемъ религіозномъ, христіанскомъ построеніи всемірной исторіи, какое мы одинаково находимъ и у Чаадаева и у Вл. Соловьева.

Мы живемъ въ то время, когда, среди множества всякаго рода общественныхъ теорій и теченій, замѣтно нарождается особая фракція, представители которой, объединяясь около имени Вл. Соловьева, провозглашаютъ христіанскую общественность, а на исторію человѣчества смотрятъ, какъ на постепенный процессъ его христіанизаціи. Представители этой фракціи въ числѣ своихъ идейныхъ родоначальниковъ съ полнымъ правомъ могутъ считать и Петра Яковлевича Чаадаева.

Н. Пузановъ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 102.

Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
http://kdais.kiev.ua